

С.С. Бойко*

**АНТИРЕЛИГИОЗНАЯ ПРОПАГАНДА НА СТРАНИЦАХ
ЖУРНАЛА «КРАСНАЯ СИБИРЯЧКА»
(1920–1930-Е ГОДЫ)****doi:10.31518/2618-9100-2023-2-20
УДК 94(47)+322*Выходные данные для цитирования:
Бойко С.С. Антирелигиозная пропаганда на страницах журнала «Красная
сибирячка» (1920–1930-е годы) // Исторический курьер. 2023. № 2 (28).
С. 243–256. URL: <http://istkurier.ru/data/2023/ISTKURIER-2023-2-20.pdf>*

S.S. Boyko*

**ANTI-RELIGIOUS PROPAGANDA IN THE PAGES
OF THE MAGAZINE “KRASNAYA SIBIRYACHKA”
(1920–1930S)****

doi:10.31518/2618-9100-2023-2-20

*How to cite:
Boyko S.S. Anti-Religious Propaganda on the Pages in the Magazine “Krasnaya
Sibiryachka” (1920–1930s) // Historical Courier, 2023, No. 2 (28), pp. 243–256.
[Available online: <http://istkurier.ru/data/2023/ISTKURIER-2023-2-20.pdf>]*

Abstract. The article is devoted to the antireligious propaganda of the Soviet power in magazine “Krasnaya Sibiryachka” in 1920–1930s. The author analyzes reasons for the magazine’s creation and emphasizes the importance of involving women in the process of socialistic society building which was connected with refusal from religious outlook. The author of the article provides a brief survey of existing studies devoted to the journal and various aspects of the articles it publishes. The article identifies the main genres of antireligious propaganda: poems, short stories, essays, journalistic articles, news reports, letters, and excerpts from public speeches. Proceeding from the character of materials and their frequency of publication the author underlines four stages in the development of antireligious propaganda: 1) “Religious NEP” 1922–1929; 2) “Great Turn” 1929–1932; 3) The period of calm in 1932–1937; 4) New round of aggressive propaganda in 1937–1939. It is determined that these stages were connected with changes of political course of the country, which was reflected in the contents of materials and in using of concrete methods and propaganda means. The anti-religious propaganda types, such as: the use of repulsive archetypal images of “pop” (priest) and “sectarian”; the opposition of religion to the scientific world-view; the pointing out of the social reactionary nature and backwardness of the church; the ridiculing of the powerlessness and uselessness of religious rites and rituals; the incompatibility of religious views with the new economic relations in the village; the accusing of the church and religious minorities of anti-state activity, kulakism, sabotage, espionage. A conclusion is drawn about the predominantly anti-clerical and crude nature of the anti-religious propaganda, the gradual change in the rhetoric of the magazine from more tolerant and diverse in content to more intransigent and directed towards social hatred, and the dependence of editorial policy on the current political interests of the authorities.

Keywords: “Krasnaya Sibiryachka” magazine, church, “pop”, sectarian, atheism, anti-religious propaganda, believers, anti-clericalism.

* **Сергей Сергеевич Бойко**, аспирант, Институт истории Сибирского отделения Российской академии наук, Новосибирск, Россия, e-mail: bss.91@mail.ru

Sergey Sergeevich Boyko, Postgraduate Student, Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russia, e-mail: bss.91@mail.ru

** Статья выполнена по теме госзадания «Память о прошлом в письменных источниках XVI–XX вв.: актуализация событий, трансляция культурных традиций, исследовательские практики» (FWZM-2021-0005). The article was made on the topic of the state assignment “Memory of the Past in Written Sources of the 16th–20th Centuries: Updating Events, Broadcasting Cultural Traditions, Research Practices” (FWZM-2021-0005).

The article has been received by the editor on 27.01.2023. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

Аннотация. Статья посвящена антирелигиозной пропаганде советской власти на страницах журнала «Красная сибирячка» в 1920–1930-х гг. Анализируются причины создания журнала, указывается на особую важность вовлечения женщины в процесс строительства социалистического общества, что было связано, в том числе, с отказом от религиозного мировоззрения. Дан краткий обзор существующих исследований, посвященных журналу, различным аспектам публиковавшихся в нем материалов. Проанализированы все 298 выпущенных номеров журнала. Выделяются основные жанры, которыми была представлена антирелигиозная пропаганда: стихи, рассказы, очерки, публицистические статьи, информационные сообщения, письма и отрывки из публичных выступлений. Исходя из самого характера материалов, частоты их появления, выделены четыре этапа в развитии антирелигиозной пропаганды журнала: 1) «Религиозный НЭП» 1922–1929 гг.; 2) «Великий Перелом» 1929–1932 гг.; 3) период затишья 1932–1937 гг.; 4) новый виток агрессивной пропаганды 1937–1939 гг. Указана зависимость и тесная связь перечисленных этапов с изменением политического курса страны, что находило отражение в содержании материалов и использовании конкретных приемов и средств пропаганды. Выявлены такие виды антирелигиозной пропаганды, как использование архетипичных отталкивающих образов «попа» и «сектанта», противопоставление религии научному мировоззрению, указание на социальную реакционность и отсталость церкви, высмеивание бессилия и бесполезности религиозных обрядов и ритуалов, несовместимость религиозных взглядов с новыми хозяйственными отношениями в деревне, обвинение церкви и религиозных меньшинств в антигосударственной деятельности, кулачестве, саботаже, шпионаже. Сделан вывод о преимущественно антиклерикальном и грубом характере антирелигиозной пропаганды, о постепенной смене риторики журнала от более терпимого и разнообразного по содержанию материала к более непримиримому и направленному на разжигание социальной ненависти, о зависимости редакционной политики от текущих политических интересов власти.

Ключевые слова: журнал «Красная сибирячка», церковь, поп, сектант, атеизм, антирелигиозная пропаганда, верующие, антиклерикализм.

Статья поступила в редакцию 27.01.2023 г.

Советская периодическая печать 1920–1930-х гг. в условиях построения тоталитарного общества являлась важнейшим каналом пропагандистского воздействия на население, эффективным и быстрым способом передачи информации. Именно поэтому уже к середине 1920-х гг. государство перешло к полному контролю над периодическими изданиями, были созданы десятки всесоюзных и региональных изданий, призванных участвовать в широком фронте социалистического строительства. Прививать широким массам атеистические идеи было возможно лишь при активном пропагандистском участии периодических изданий. Специальная антирелигиозная периодика советского периода давно представляет интерес для изучения историков. В статье А.В. Метель «Становление антирелигиозной периодической печати в СССР (1919–1941 гг.)» прослеживаются основные этапы создания и функционирования всесоюзных антирелигиозных изданий, влияние текущих политических интересов власти на их редакционную политику, приводится краткий сравнительный контент-анализ некоторых журналов¹. Всесоюзная антирелигиозная периодическая печать изучается

---

¹ Метель А.В. Становление антирелигиозной периодической печати в СССР (1919–1941 гг.) // Вестник ОмГУ. 2013. № 1 (67). С. 43–47.

и как часть советской политики в региональном аспекте. Такому подходу в изучении антирелигиозных мероприятий посвящен ряд диссертаций, статей². Изучаются также отдельные сюжеты из антирелигиозных материалов всесоюзного и регионального значения, оцениваются конкретные приемы и методы антирелигиозной пропаганды, разбираются ее наиболее интересные проявления³. В современной исторической науке пресса является ценным и информативным источником в оценке характерных черт антирелигиозной политики советского государства.

Журнал «Красная сибирячка» – периодическое издание (журнал), выпускавшееся с 1922 по 1939 г. в Новониколаевске/Новосибирске, обращенное к советским женщинам, прежде всего к крестьянкам и работницам. Журнал, будучи долгожителем по меркам своего времени, стал заметным явлением в культурной жизни Сибири. Всего за период существования журнала было выпущено 298 номеров, причем периодичность выпуска колебалась от 4 до 24 номеров в год⁴. Тематическое разнообразие и большие тиражи журнала не раз привлекали к себе внимание исследователей-историков. Статья И.В. Гареевой «История возникновения женского журнала “Красная сибирячка”» на основе архивных материалов показывает процесс формирования журнала и сложности, с которыми столкнулись его основатели в первые годы⁵. А в статье Е.В. Евдокимовой «Редакционная политика журнала “Красная сибирячка” в 1920–1930-е годы» дан краткий обзор характерных черт редакционной политики, описаны способы взаимодействия с читательской аудиторией, направленные на удержание читательского интереса и позволившие «Красной сибирячке» оставаться актуальной в течение многих лет⁶. Журнал также попадал в поле зрения исследователей процесса эмансипации советской женщины и вовлечения ее в культурную и общественно-политическую жизнь страны, проблем воспитания детей⁷. Данный материал призван внести свою лепту в историю изучения журнала.

Необходимость создания специфически женского массового журнала в Сибири была обусловлена недостаточностью «охвата устной агитацией женского населения Сибири и слабого влияния “страничек работницы”, а инициатива создания нового журнала принадлежала Е. Фаерман, возглавлявшей Сибженотдел. Ее заслуга в том, что в условиях тяжелейшего кризиса, сковавшего печать, она смогла воплотить свою идею в жизнь»⁸. В начале 1920-х гг. было множество журналов-однодневок, когда из-за финансовых трудностей и невнятной

² БардILEVA Ю.П. Антирелигиозная пропаганда на Европейском Севере России по материалам журналов «Антирелигиозник» и «Безбожник» (1925–1941 гг.) // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2011. № 3. С. 42–49; КалюЖная О.В. Антирелигиозная политика в 1918–1925 гг. во Владимирской губернии: по материалам периодической печати: дис. ... канд. ист. наук. Владимир, 2018; Лямзин А.В. Периодическая печать как источник по истории взаимоотношений церкви и государства в 1920-е гг.: на примере Уральского региона: дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2000.

³ Козлов Ф.Н. Антирелигиозные материалы на страницах региональной национальной печати первой половины 1920-х годов как элемент социальной дискредитации священнослужителей (на примере газеты «Чувашский край») // Вестник ЧГУ. 2014. № 3. С. 23–29; Бурик Н.М. Девиантность как структурный элемент образа священнослужителя (по материалам прессы Алтая 1920-х гг.) // Вестник Удмуртского университета. Сер.: История и филология. 2013. № 3. С. 135–140.

⁴ Журнал «Красная сибирячка» // Сибирская периодика [Электронный ресурс]. URL: <https://elibrary.ngonb.ru/catalog/periodica/809/> (дата обращения: 15.01.2022).

⁵ Гареева И.В. История возникновения женского журнала «Красная сибирячка» // 150 лет периодической печати в Сибири: материалы регион. науч. конф., посвящ. 150-летию издания в Сибири «Губернских ведомостей» (Томск, 19–20 апреля 2007 г.). Томск, 2007. С. 89–92.

⁶ Евдокимова Е.В. Редакционная политика журнала «Красная сибирячка» в 1920–1930-е годы // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер.: История, филология. 2013. Т. 12, № 6. С. 25–29.

⁷ Васеха М.В. Влияние женской Всесоюзной и сибирской прессы 1920-х гг. на формирование новых поведенческих моделей сибирячек // Вестник РУДН. История России. 2015. № 3. С. 60–70; Дмитриенко Н.М. Томские женщины-крестьянки в условиях социальных перемен (1920–1930-е гг.) // Сибирские исторические исследования. 2014. № 3. С. 46–70; Малыгина Ю.А. Проблемы воспитания детей на страницах журнала для женщин «Красная сибирячка» (1920-е гг.) // Молодежь XXI века: образование, наука, инновации: материалы VIII Всерос. студ. науч.-практ. конф. с междунар. участием (Новосибирск, 4–6 декабря 2019 г.). Новосибирск, 2019. С. 175–176.

⁸ Гареева И.В. История возникновения женского журнала «Красная сибирячка»... С. 89–92.

редакционной политики выходила лишь пара номеров, а потом журнал закрывался. Однако, несмотря на предсказания скорого закрытия и серьезную критику первого номера журнала со стороны «Сибирских огней», «Красная сибирячка» просуществовала долго. Как отмечает Е.В. Евдокимова, это объясняется «во многом благодаря грамотной реализации редакционной политики, нашедшей отражение в разнообразных формах работы, связанной с популяризацией издания. Постоянная реорганизация содержательной и композиционной моделей издания (изменение имеющихся рубрик и введение новых), активная работа с внештатными авторами (публикация материалов и их рецензирование), вовлечение аудитории в распространение журнала с применением стимулирующих методов, анкетирование – все это способствовало укреплению обратной связи с аудиторией и, несомненно, выделяло журнал из печатных изданий подобного типа»⁹.

В Сибири не было собственного антирелигиозного периодического издания, активная антирелигиозная пропаганда велась через всесоюзные журналы Союза безбожников СССР, такие как «Атеист», «Антирелигиозник», «Безбожник у станка» и др. В этой связи своя доля ответственности за успешность агитационно-пропагандистских методов борьбы с религией в Сибири, безусловно, ложилась и на плечи местных периодических изданий. Особая роль женщин в воспроизводстве религии из поколения в поколение, а также склонность к восприятию разнообразных мистических представлений подчеркивалась советским руководством: «идеологи нового общественно-политического строя отмечали сильную религиозность женщин и их слабую политическую развитость. Борьба за “социалистическое воспитание” женщин была вызвана и другим не менее важным фактором: женщины (жены, матери) неизбежно оказывали влияние на мужчин (мужей, детей), и, с точки зрения партийных деятелей, зачастую это влияние было негативным»¹⁰.

Таким образом, «Красная сибирячка» представляет немалый интерес и как явление в истории сибирской периодики, и как средство пропаганды отказа от религии в среде крестьянок и работниц Сибири.

Изучение материалов журнала с 1922 по 1939 г. позволило выделить четыре условных¹¹ этапа в антирелигиозной пропаганде:

1) 1920-е гг. – период так называемого «религиозного нэпа»;

2) «Великий перелом» – понятие без твердых хронологических рамок, в данном случае под ним подразумеваются 1929–1932 гг. – период коллективизации сельского хозяйства и первой сталинской пятилетки, когда антирелигиозная пропаганда на страницах журнала достигает своего пика;

3) период с 1932 по 1937 г., для которого характерно заметное снижение антирелигиозной активности журнала (практически до нулевого показателя), что четко коррелирует с изменением таковой активности во всесоюзном масштабе;

4) период с 1937 по 1939 г., в котором вышел последний номер «Красной сибирячки», – новый виток антирелигиозной пропаганды в период Большого террора, отразившийся на материалах журнала.

В 1920-е гг. журнал представлял собой настоящее поле для экспериментов, когда в него писали в основном работники женотделов, а четкой тематической и жанровой структуры не было сформировано. Много материала в журнале было посвящено вовлечению женщин в трудовую деятельность (участие в посевной кампании, в комитете взаимопомощи, в кооперации и др.), а также материнству, правильному уходу за ребенком, обустройству яслей в деревне и т.п. Обсуждается помощь безработным женщинам, международное женское движение. Общая тональность журнала в целом была скорее положительной, т.е. нацеленной

⁹ Евдокимова Е.В. Редакционная политика журнала «Красная сибирячка» в 1920–1930-е годы... С. 25–29.

¹⁰ Козлов Ф.Н. «Женский вопрос» как элемент социальной политики советского государства в 1920-е – первой половине 1930-х годов (в контексте государственно-церковных отношений в национальных регионах среднего Поволжья) // Вестник Чувашского университета. 2013. № 4. С. 29–37.

¹¹ Условных, так как они не имеют четких границ, и некоторые темы публикаций, стилистические особенности и конкретные приемы пропаганды так или иначе могут встречаться в разные периоды времени.

на рассказ об успехах и достижениях, нежели о врагах, «диверсиях против советской власти» или возбуждении классовой ненависти и борьбы.

Тема религии и атеизма в 1920-е гг. занимала в журнале незначительную роль. Антирелигиозная пропаганда появляется далеко не во всех номерах, зато представлена разными жанрами: беллетристикой и стихами, биографиями крестьянок и работниц, научно-популярными статьями. В литературно-художественном отделе антирелигиозная пропаганда велась посредством публикации небольших очерков и рассказов. В них, как правило, рассказывается об угнетенном положении женщины, обычно притесняемой тираном-мужем (пьяницей или кулаком), а религия легитимизирует это угнетение, делая женщину терпеливой и пассивной. Так, в первом номере журнала за 1922 г. опубликован рассказ «Постоялка», повествующий о смятении после революции и неумении выбрать правильную дорогу в эпоху перемен. Церковь показана как *устаревшая организация*, не способная давать ответы на современные вопросы жизни. В этом же номере опубликовано стихотворение «Скорбящих радости» В. Итина, содержащее призыв раздать голодающим детям Поволжья «идолово золото», т.е. богатства церкви («Красная сибирячка», 1922, № 1).

В рубрике «Моя биография» женщины-коммунистки рассказывали о своем жизненном пути, давая оценку кризису своего религиозного мировоззрения, обычно характеризуя его как «устаревшее». Таким образом, четко проводилась мысль о том, что религия и церковь не соответствуют запросам эпохи, являются *исторически отсталыми* формами сознания и социальной организации.

Иногда представители церкви описывались не просто как носители реакционного сознания, но и как *безнравственные* люди. Так, в 1925 г. был опубликован рассказ В. Островцова «Кумынистка-учительша», в котором представитель православной церкви, именуемый не иначе как «поп», представлен как пьяница и хам, распускающий грязные слухи о сельской учительнице. Использование карикатурного образа условного «попа» как *аморального, глупого, непристойного пьяницы и лицемера* вообще был одним из самых распространенных приемов антиклерикальной пропаганды в печатных изданиях 1920–1930-х гг., в том числе и для «Красной сибирячки». Эксплуатация этого образа встречается на протяжении всего периода существования журнала.

Третий вариант антирелигиозной пропаганды через художественные тексты состоял в отображении *нелепости, неэффективности религиозных ритуалов*. Например, рассказ с говорящим названием «Темнота», повествующий о знахарке и корове, с которой безрезультатно пытались снять порчу. Похожими по смыслу являются рассказы «Горячая молитва», «Ошибся» («Красная сибирячка», 1922, № 4). Первый повествует о сибирской женщине по имени Борисиха, горячо молившейся за убитого колчаковцами мужа Федора Борисова. В рассказе показано разочарование в горячей молитве, которая не помогла спасти сына и мужа от смерти на войне. Иконы в рассказе именуются «бесчувственными досками». Это разочарование становится причиной атеизма героини рассказа. В конце статьи, под сноской, даются данные о героине рассказа, ее возраст и место жительства, а также представлена фотография реальной женщины с подписью «тов. Борисова». Эти сноски должны были продемонстрировать читателю реальность и достоверность данной истории, сделать опыт героини рассказа более доступным для читателя. Рассказ «Ошибся» повествует о том, как крестьяне просили местного священника отслужить молебен о даровании дождя, но это не принесло результата, зато в предвидении погоды им помог барометр. Таким образом, авторы демонстрировали немоту религии по сравнению с научными достижениями, *противопоставляя ее науке*.

«...Антирелигиозная пропаганда в деревне должна носить характер исключительно материалистического объяснения явлений природы и общественной жизни, с которыми сталкивается крестьянин. Разъяснение происхождения града, дождя, засухи, грозы, появления вредителей, свойств почвы, действия удобрения и т.п. является наилучшим видом антире-

лигиозной пропаганды»¹², – указывалось в резолюции XIII съезда РКП(б) «О работе в деревне», принятой в мае 1924 г.

Вторая этой резолюции партии, в том же 1924 г. в журнале появляется новый раздел «Что говорит наука». Поначалу он целиком был посвящен противоречиям научного и религиозного мировоззрения, в научно-популярном ключе показывалась ущербность библейского взгляда на мир (статьи «Как произошла земля», «О наследственности», «Происхождение человека», «Женщина и религия» и др.). Однако в дальнейшем большинство материалов данной рубрики практически перестало обращаться к религиозной тематике, выпуски носили сугубо научный или практический характер («Организация Вселенной», «На борьбу с полевыми вредителями», «Беседы о химии» и др.).

В информационные сводки «Красной сибирячки» антирелигиозная тематика попадала крайне редко (практически вся пропаганда сосредоточивалась в художественном отделе журнала). Например, в одном из номеров за 1929 г. был опубликован материал «Золотая цепь», в котором рассказывалось о факте распространения среди новосибирских и барнаульских крестьян «золотых писем», содержащих призывы от имени Христа не участвовать в большевистских собраниях и съездах. Помимо традиционного разоблачения таких писем как диверсии «кулаков, попов и сектантов», в статье мимоходом отмечается, что «на эту удочку особо повелись крестьянки-беднячки» («Красная сибирячка», 1929, № 3).

В целом для антирелигиозной пропаганды журнала периода 1920-х гг. характерна редкая периодичность материалов, использование карикатурных образов представителей официальной церкви – «попов», наделенных чертами безнравственности и отсталости, ярко выраженный антиклерикализм (материалы посвящались в основном критике православной церкви и духовенства) и, наконец, противопоставление науки и религии как несовместимых способов познания.

Начиная с 1929 г. львиная доля материалов «Красной сибирячки» посвящается *сельскохозяйственным вопросам и проблемам коллективизации*. Таким образом, журнал ведет пропаганду преимущественно в деревенской среде, чутко реагируя на политику государства.

Также, начиная с 1929 г., в каждом номере появляются материалы, призывающие на *разжигание классово-борьбы в деревне*. Номера «Сибирячки» пестрят заголовками типа «На борьбу кулаком, укрывающим хлебные излишки», «Вычистим кулачек из делегатских собраний», «Сломить сопротивление кулака», «Защитим батрачек от кулацкой кабалы» и т.п. К концу 1920-х гг. заметно усиливается дух ненависти и непримиримости не только к «кулакам», но и «вредителям». В каждом выпуске встречаются материалы, так или иначе посвященные борьбе с «вредителями» и различным «чисткам» от них. Заголовки вроде «Выкинем вредителей из наших учреждений» или «Партия проводит генеральную чистку» становятся обязательной частью любого номера газеты. *Значительно чаще появляются и антирелигиозные материалы*. Примечательно, что священнослужители фактически приравниваются к кулачеству, везде именуются их союзниками и упоминаются вместе: «тем членам партии, которые срослись с кулацким элементом и духовенством... не место в рядах партии» («Красная сибирячка», 1929, № 9).

Лозунги бдительности и борьбы вполне отражают контекст сталинской «мобилизационной культуры», насаждавшейся с конца 1920-х гг. и ввергающей строителя коммунизма в перманентную борьбу со всем окружающим миром, в борьбу с империалистами, кулаками, вредителями-насекомыми и вредителями-людьми, борьбу за хлеб, пар, трезвость, ясли и даже в «борьбу с производством аборта» («Красная сибирячка», 1929, № 11).

Пик антирелигиозной пропаганды «Красной сибирячки» приходится как раз на 1929 г. В течение этого года вышло 11 специальных антирелигиозных материалов. Во втором номере выходит очерк «Родится ли хлеб без бога?» («Красная сибирячка», 1929, № 2), в котором демонстрируется противопоставление агрономической науки и религии, а также

¹² Из резолюции XIII съезда о работе в деревне // Коминформ [Электронный ресурс]. URL: <http://communist-ml.ru/archives/211> (дата обращения: 15.01.2022).

высмеивание глупых и ненужных религиозных обрядов при севе и сборе урожая. Тут же публикуется «ответ» одной из крестьянок Прасковьи Халимовой о том, как она теперь «сеет без бога, а урожай лучше». В третьем номере выходит уже упоминавшийся репортаж «Золотая цепь», посвященный сибирскому сектантству.

Следующий материал появляется в очерке «Воскресение из мертвых» («Красная сибирячка», 1929, № 7), в котором содержится критика представлений о воскресении как «взятых напрокат у язычников». Приводятся примеры отказа от веры из областной жизни – «крестьяне села Алексеевского Бугринского района отказались от содержания церкви», а «крестьяне села Марушки Бийского округа выстроили вместо сгоревшей церкви большой клуб» и т.п. Упоминаются факты саботажа и контрреволюционной деятельности сектантов и церковников: «В Линевском районе Днепропетровского округа ГПУ выявило секту ионитов, занимающуюся срывом советских кампаний», при этом якобы было изъято несколько десятков винтовок, револьверы и даже гранаты. Поверхностность и грубость подобных материалов отчетливо видна в безапелляционности, например, таких суждений: «Наукой твердо установлено, что Христос никогда не жил на земле...»¹³.

В конце номера помещена анонимная частушка:

«Трактор песенки поет.
 Поп кричит во все места:
 – Это правда точная,
 Что мамаша у Христа –
 Дева непорочная.
 Хлещет поп в селе украдкой
 Самогон у кулаков.
 Эх, играй, моя трехрядка,
 Против бога и попов.
 Э, гуляй, гуляй, метель.
 Эх, гуляй, метелица.
 Не нужна нам эта цель –
 С богом канителиться».

Характерно, что в частушке используется типичный образ попа-пьяницы, который «хлещет самогон», при этом самогон он берет обязательно «у кулаков», что должно наводить на мысль о неизменной классовой близости священников к кулачеству, «злейшему врагу рабочих и крестьян».

В десятом номере за 1929 г. – очерк «Душевные лекари» о бесполезности религиозных методов лечения, как физического, так и «душевного» («Красная сибирячка», 1929, № 10). Особый уклон делается на сектантов: «Ядовитые душевные лекари – это сектанты. Они поют сладчайшие псалмы...». Характерно стремление сделать антирелигиозные материалы более актуальными и близкими для читательниц путем приведения конкретных примеров из региональной жизни: «Кроткие душевные лекари – баптисты в Борисовском районе – выкрали план отчетно-перевыборных собраний и на эти дни назначили свои торжественно-молитвенные собрания, чтобы сорвать план перевыборов». В реальность таких фактов поверить трудно, хотя и точно установить их достоверность или ложность, увы, не представляется возможным. В любом случае подобный прием, встречающийся во многих очерках и статьях журнала, должен был усилить эффект от прочтения религиозных материалов, сделать их более живыми и конкретными. Этим же задачам служит и обращение к целевой читательской аудитории «Сибирячки»: «Особенно стараются душевные лекари по поводу женщин. Женщине они уделяют очень много внимания – лечат ее душевные недуги, утешают ее». Далее идет очередной пример из местной жизни о том, как «19 крестьянок поймали в эти сети сибирские баптисты и 27 мая крестили их в Оби». При этом не приводится

¹³ Действительно, в начале XX в. вопрос о реальности личности Христа являлся в исторической науке не более чем дискуссионным.

никаких конкретных данных, где, когда и с кем это произошло. «Разоблачение» сектантства продолжает большой журнальный разворот, общий подзаголовок в рамке гласит: «Религия – последняя опора старого мира. Работницы, крестьянки, выбьем эту опору из-под ног классового врага, поведем решительное наступление на сектантство, поповщину, шаманизм» («Красная сибирячка», 1929, № 19). На нем представлен ряд материалов с заголовками «Сектанты одурачивает темных людей», «Враг под маской благочестия», «Злобно клеветуют сектанты на наше социалистическое строительство». В антирелигиозных материалах, посвященных сектантам, характерный образ попа-пьяницы, грубого, лицемерного и нередко ленивого, заменяется на образ врага сектанта – хитрого соблазителя, проповедника тихой смиренной жизни на задворках общественной жизни: «Вся работа сектантов направлена к тому, чтобы попавшие в их сети работницы и крестьянки заботились о душе, думали бы о загробной жизни, не принимали активного участия в строительстве новой жизни, ибо все это мирская суета». Таким образом, фигура сектанта в антирелигиозной пропаганде наделялась отличными от традиционных штампов пьянства и разврата представителей «официальной» религии – *характерными чертами скрытного и убаюкивающего проповедничества при сохранении внешних атрибутов благочестивой жизни*. В следующем номере помещен отрывок из речи Н.К. Крупской о том, как сектанты умело подстраиваются к рабочей неделе и организуют свои «моления к сменам». Отмечается большая гибкость сектантских организаций в сравнении с официальной церковью («Красная сибирячка», 1929, № 20).

Также, начиная с 1929 г., регулярно появляются заметки о закрытии и сносе церквей в городах и поселках или снятии колоколов, как правило, «по инициативе трудящихся».

В № 11 того же года выходит обширный материал, посвященный 11-му Всесоюзному Съезду безбожников («Красная сибирячка», 1929, № 11). На нем, в частности, было принято решение о переименовании «Союза безбожников» в «Союз воинствующих безбожников» (далее «СВБ» – С. Б.), что недвусмысленно свидетельствовало об усилении антирелигиозного нажима власти. В статье указывается, что на съезде обсуждалась «активность ряских», которая, получая «отпор среди трудящихся», часто «находит опору в среде трудящихся женщин». Подобная «уязвимость» женщин косвенно подтверждается и цифрами: «У нас в Сибири в организации союза безбожников 43 тысячи членов, из них женщин только 25 проц., а в деревне и того меньше – только 10 проц.». В связи с этим отмечается, что при краевом совете «СВБ» была учреждена «секция по ведению антирелигиозной работы среди женщин». Таким образом, руководством антирелигиозной политики в стране осознавалась важность гендерной антирелигиозной пропаганды, в этом отношении популярный журнал «Красная сибирячка» приобретал немалое значение в Сибирском регионе.

В очерке «Камнем в чудотворца» («Красная сибирячка», 1929, № 11), опубликованном по материалам полученного редакцией неподписанного письма, рассказывалось о том, как крестьяне надеялись на бога и проводили посевные работы, используя не агроминимум, а религиозные обряды. Скорая засуха показала неэффективность религии и пользу научного подхода к земледелию, принятого в соседней коммуне. Заканчивается очерк патетической цитатой из письма: «Долой веру в чудотворца! Агроминимум надо проводить».

В № 21 целый разворот снова посвящен антирелигиозным материалам. Тут и небольшой очерк «О «любви к ближнему», раскрывающий в очередной раз лицемерие православных проповедников, и частушки, и вновь сведения о закрытии церквей.

В дополнение к отрывку из речи Н.К. Крупской, помещенному в № 20, на развороте приведено письмо работницы омской конфетной фабрики, в котором говорится о том, что они перешли на непрерывную рабочую неделю. Демонстрируется грубая простота в отношении к вековым традициям крестьян: «Мы отбросили все праздники, и никакой бог не приходил нас наказывать. Все это – поповская лавочка, которую давно надо выкинуть» («Красная сибирячка», 1929, № 21).

Первые номера за 1930 г. почти целиком посвящены сплошной коллективизации, пятилетке, ликвидации кулачества как класса.

Впервые антирелигиозная пропаганда появляется в № 4. Ей посвящена целая страница под общим названием «Выметаем мусор старой жизни» («Красная сибирячка», 1930, № 4), на которой присутствует небольшой очерк, в котором проводится *параллель между индивидуальным хозяйством и религией, а задачи сплошной коллективизации напрямую связываются с задачей искоренения религии* в деревне: «Переходя к новой коллективной жизни, крестьянин и крестьянка бросают веру в индивидуальное хозяйство (курсив мой. – С. Б.), бросают веру в бога, который был защитником и покровителем этого индивидуального хозяйства».

Таким образом, антирелигиозная пропаганда становится частью пропаганды сплошной коллективизации.

В очерке «Еще раз о Пасхе» («Красная сибирячка», 1930, № 7) религия вновь противопоставляется науке, но, что было совсем нехарактерно для номеров 1920-х гг. – отказ от религии связывается с вступлением в колхоз: «Сейчас за городским пролетариатом двинулись передовые из бедняков и середняков деревни, которые в массовом стремлении к коллективизации заявили, что они также решительно становятся на сторону социализма, которые массовыми приговорами о закрытии церкви заявили, что они также хотят освободиться от веры в загробную жизнь, хотят бороться за лучшую жизнь здесь на земле». В очерке звучат призывы к научной пропаганде, которая особенно необходима в дни пасхальных праздников, когда «попы всех мастей будут в тысячный раз гнусавить в воскресенье никогда не родившегося никогда не умиравшего бога. Проповедью любви к ближнему, проповедью смирения попы будут отвлекать трудящихся от классовой борьбы, от борьбы за укрепление возникших и возникающих колхозов». Вред религиозных взглядов в очерке представляется не столько в ошибочном представлении о мире, сколько в проповеди смирения, не отвечающей задачам колхозного строительства в деревне. Религия по-прежнему представляется как удел отсталых необразованных людей. Изобилие таких материалов подтверждает очевидное – в первые десятилетия советской власти антирелигиозная пропаганда носила преимущественно антиклерикальный, а не атеистический характер.

На последней странице этого же номера помещен выбивающийся из общего типового ряда антирелигиозной пропаганды материал под названием «Разбойники в рясах нас не испугают», посвященный провозглашению так называемого «крестового похода» против СССР папы Пия XI в феврале 1930 г. Материал представляет собой отрывок из речи Ем. Ярославского на некоем «митинге ученых», в котором глава Союза безбожников с известной долей юмора разоблачает связь папы Пия XI с итальянским фашизмом: «Недавно состоялась довольно трогательная сцена. Папа надел тяжелый крест на шею Муссолини, а Муссолини подарил папе 20 пулеметов. Это был очень трогательный обмен орудиями производства». Ярославский умело встраивает представителей религии в длинный ряд классовых врагов и призывает дать им всем решительный отпор «могучим фронтом, который поднимается снизу, который означает соединение социалистического труда с истинной наукой» («Красная сибирячка», 1930, № 7).

Примечательно, что в углу страницы большим красным шрифтом помещен лозунг, как видно из контекста, не являющийся частью изначальной речи Е. Ярославского и добавленный редактором: «Строя в деревне социалистическое хозяйство, нельзя забывать о борьбе с религией, разрушать религию — это значит перестраивать хозяйство на началах социализма (курсив мой. – С. Б.)». Таким образом, мы видим (даже там, где речь идет о международной обстановке), как читателям напоминают, что отказ от религии должен сопутствовать коллективизации хозяйства. Наличие большого количества подобных материалов и призывов позволяет сделать вывод, что в антирелигиозной пропаганде вступление в колхоз использовалось как своего рода обряд инициации крестьянина, рождения его к новой не только экономической, бытовой, но и духовной жизни, несовместимой со старой религиозностью.

Изредка встречаются на страницах журнала и материалы, в которых обнаруживаются квазирелигиозные мотивы, как, например, в стихотворении А. Кузнецова «Лампочка Ильича». В нем речь идет о том, как в темном углу крестьянской избы с лампадами и обра-

зом Христа помещается та самая заветная лампочка, а свет, исходящий от заветной лампочки, заменяет собой христианские символы:

«...Мужик, дугой сгибая спину,
молился с думой о христе.
Но вот, устои дедов вспенил
могучий вал иных годов,
вонзил в бревенчатые стены
две паутины проводов.
Иным каким-то стало утро,
иные думы и дела.
И не христос, а кто-то мудрый
глядел из красного угла...».

Здесь имеется противопоставление не религии и, как обычно бывает, науки в целом, а религии и учения марксизма-ленинизма, причем *первое эквивалентно заменяется вторым*: вместо Христа из-за угла на крестьянина смотрит «кто-то мудрый» – Ленин, а вместо света лампад раздается свет от лампочки Ильича, которая «разносит *весть о новом свете* над пробудившимся селом».

В статье «Борьба с религией – борьба за социализм» («Красная сибирячка», 1931, № 9) рассказывается об актах вредительства в Сибири со стороны верующих, достоверность которых нельзя проверить, как, впрочем, и опровергнуть тоже. Важнее здесь то, что верующие всех оттенков прочно связываются с другими «классовыми врагами», принципиальных различий между ними не приводится. В очередной раз указывается на классовую сущность религии, на зависимость религиозных представлений от материальных условий жизни, а весь смысл религиозных праздников сводится к «одурманиванию людей». Для антирелигиозной пропаганды на страницах журнала периода первой пятилетки была характерна регулярность и большие объемы материалов, более агрессивный и непримиримый тон, использование традиционных антирелигиозных штампов, особое внимание к деревенским сектантам и увязывание борьбы с религией с задачами колхозного строительства.

Начиная с 1932 г. антирелигиозные материалы пропадают из содержания номеров. Редакция почти целиком посвящает выпуск журнала разнообразным вопросам колхозного движения, социалистического соревнования, выполнения первого пятилетнего плана индустриализации, также публикуются материалы, посвященные международной обстановке, агрессии империалистических стран, возможной предстоящей войне. Окончательно пропадают научно-просветительские статьи, косвенно связанные с «разоблачением» религии, наподобие тех, что публиковались в первой половине 1920-х гг. в разделе «Что говорит наука». Журнал становится куда более политизированным, в содержательном плане более монолитным и идеологически строгим, художественные тексты уступают место статьям, выступлениям, призывам, сообщениям с мест. Все это негативно отразилось на разнообразии материалов, но вполне отвечало духу времени.

В № 4 за 1932 г. журнал поместил отрывок из речи Иосифа Сталина на XVII партконференции: «Важнейшим итогом социалистического строительства первой пятилетки является окончательной подрыв корней капитализма в деревне, предрешающий полную ликвидацию капиталистических элементов и *полное уничтожение классов* (курсив мой. – С. Б.), завершение построения фундамента социализма в СССР означает, что Ленинский вопрос “кто кого” решен против капитализма в пользу социализма полностью и бесповоротно в городе и в деревне». Очевидно, что в условиях предполагаемого «полного уничтожения классов» и построения социалистического общества вопрос о противостоянии с религией считался практически решенным, а воля «попов и сектантов» к сопротивлению на фоне «грандиозных успехов построения социализма» – окончательно сломленной. С 1932 по 1936 г. включительно не выходит ни одного собственно антирелигиозного материала! Религия и «попы» мельком упоминаются в материалах, посвященных вопросам грамотности, быта,

классовой бдительности и чистки партии. Такое «молчание» «Сибирячки» совпадает с относительным затишьем на антирелигиозном фронте по всему СССР, причины которого не входят в предмет рассмотрения настоящей статьи. Стоит лишь отметить, что подобное снижение уровня активности было характерно не только для региональной, но и для общесоюзной антирелигиозной прессы, что говорит о системном кризисе антирелигиозной политики в стране: «С каждым годом роль самой по себе антирелигиозной работы падала, все реже появлялись специальные статьи, вносящие в антирелигиозную пропаганду в СМИ нечто новое. Фактически специальная антирелигиозная периодическая печать переживала кризис. Особенно это стало заметно после 1934 г., когда антирелигиозный нажим, осуществлявшийся с 1929 г., но так и не принеший никаких результатов, окончательно уступил место административным мерам»¹⁴.

С середины 1930-х гг. общая тональность «Красной сибирячки» заметно меняется. На место напряженных призывов к классовой борьбе, сплошной коллективизации и невыполнению планов пятилетки приходят сообщения об *уже сложившейся счастливой и безопасной жизни в стране победившего социализма*, что характерно отражено в заголовках статей, писем и репортажей селькорок: «Новая жизнь», «Хорошее, счастливое время!», «Зажиточно живет моя большая семья», «Счастлива моя семья», «О такой жизни и мечтать не смели» и т.п. Подобная тональность была совсем не характерна для периода 1920-х гг.

Появляется значительно больше художественной литературы, печатаются рассказы М. Горького, стихи В. Маяковского, А. Пушкина, песни народов СССР, а новая регулярная рубрика «Страничка для детей» печатает детские рассказы и стихи. Тревогу вселяют лишь постоянные сообщения об агрессии фашистских стран и укреплении обороны страны на случай войны – материалы военной и оборонительной тематики становятся доминирующими.

Снова антирелигиозные материалы выходят на свет в № 9 за 1937 г. в статье «Религия – враг науки и просвещения» («Красная сибирячка», 1937, № 9). Налицо стандартное и грубое противопоставление науки и религии, демонстрация ее классовой сущности: «Наука вдребезги разбивает поповские сказки о боге и происхождении мира, наука дает ясное и стройное представление о природе и управляющих ею законах», «На протяжении веков изменялись формы эксплуатации, изменялись религии, но угнетатели при всех условиях использовали религиозный дурман для одурачивания масс». Отмечается неудовлетворенность «культурно-массовой политической работы» и, как следствие, «оживление поповско-сектантских элементов», приводятся примеры из реальной жизни на злобу дня: «Пользуясь политической слепотой и идиотской беспечностью районных организаций, в Славгороде распоясались сектантско-кулацкие элементы. Враги народа под маской религиозных проповедников использовали трибуну баптистской общины для антисоветской агитации». Также в статье особо указывается на частую вербовку в религиозные секты советских женщин, из чего делается хорошо известный и не раз звучавший вывод: «Антирелигиозная культурно-просветительная работа среди женщин является одной из важных и почетных задач, о которой ни на минуту забывать нельзя». Однако, как мы смогли убедиться, редакция журнала «Красная сибирячка» «забывала» об антирелигиозной пропаганде среди женщин всю середину 1930-х гг.

Из дальнейшего ряда материалов с достаточно типовыми и традиционными способами антирелигиозной пропаганды, не представляющей особого интереса, следует остановиться на очерке «Вредная роль сектантства» («Красная сибирячка», 1938, № 18). В условиях крайне сложной международной обстановки и искусственно подогреваемого общественного напряжения и невроза на фоне поиска «шпионов» и «предателей» во всех областях жизни к архетипическому образу сектанта – лукавого лжеучителя, проповедующего отказ от классовой борьбы, добавляется (впрочем, совершенно голословно) *образ врага-шпиона*: «Многие секты до сегодняшнего дня поддерживают тесные связи с руководителями сект, находящимися в капиталистических странах, многие из них – прямые агенты иностранных разведок, под видом религиозной связи со своими единоверцами баптистские и евангелистские проповедники, орудовавшие в СССР, выдают фашистским разведкам шпионские

¹⁴ Метель А.В. Становление антирелигиозной периодической печати... С. 43–47.

сведения». Вопросом о том, какими ценными «шпионскими сведениями» могли обладать выдавленные на самое социальное дно сектанты, невзыскательный сельский читатель, видимо, не задавался. Таким образом, мы видим, как журнал использовал задачи антирелигиозной борьбы с политической конъюнктурой момента, добавляя к образу верующего («попа» либо «сектанта») черты то «кулака», то «вредителя», то «шпиона».

Последний антирелигиозный материал «Красной сибирячки» – разворот под общим названием «Мы – безбожницы» («Красная сибирячка», 1938, № 24) – посвящен рассказам трех-крестьянок колхозниц о том, как они отказались от религии и в своей счастливой колхозной жизни не испытывают потребности в «поповских сказках о грехе». Рассказ изобилует славословиями И. Сталину и демонстрирует дух *уже установленного счастья* колхозной жизни, в котором религия окончательно побеждена.

Анализ антирелигиозных материалов «Красной сибирячки», публиковавшихся на протяжении 1920–1930-х гг., позволяет сделать вывод о том, что журнал чутко реагировал на изменение политического курса страны, то ослабляя, то усиливая антирелигиозную пропаганду на своих страницах. Между тем в пропаганде использовались достаточно архетипические образы «попа» и «сектанта», активно эксплуатировавшиеся всесоюзной антирелигиозной прессой. Несмотря на некоторое разнообразие материалов, характерных для периода «религиозного нэпа», в которых делались попытки «разбирать» религию с сугубо научной точки зрения, журнал не устоял перед идеологическим напором эпохи и свел свою пропаганду к задачам классовой борьбы в деревне и поискам врагов и «фашистских шпионов». Антирелигиозная пропаганда оставалась преимущественно грубой, насмешливой и антиклерикальной, а не научно-атеистической, несмотря на многократно декларируемое стремление вести борьбу с религией «научнее». Впрочем, это неудивительно, если принимать во внимание, что главным подписчиком журнала была малообразованная сибирская крестьянка. «Красная сибирячка» (как и общесоюзные газеты и журналы) своей пропагандой вызывала лишь озлобленность и неприязнь читательниц к «попам» и «сектантам», но была бессильна вырвать психологические и социальные корни женской религиозности, что со всей очевидностью проявится в период хрущевской антирелигиозной кампании.

Литература

Бардилева Ю.П. Антирелигиозная пропаганда на Европейском Севере России по материалам журналов «Антирелигиозник» и «Безбожник» (1925–1941 гг.) // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2011. № 3. С. 42–49.

Бурик Н.М. Девиантность как структурный элемент образа священнослужителя (по материалам прессы Алтая 1920-х гг.) // Вестник Удмуртского университета. Сер.: История и филология. 2013. № 3. С. 135–140.

Васеха М.В. Влияние женской Всесоюзной и сибирской прессы 1920-х гг. на формирование новых поведенческих моделей сибирячек // Вестник РУДН. История России. 2015. № 3. С. 60–70.

Гареева И.В. История возникновения женского журнала «Красная сибирячка» // 150 лет периодической печати в Сибири: материалы регион. науч. конф., посвящ. 150-летию издания в Сибири «Губернских ведомостей» (Томск, 19–20 апреля 2007 г.). Томск, 2007. С. 89–92.

Дмитриенко Н.М. Томские женщины-крестьянки в условиях социальных перемен (1920–1930-е гг.) // Сибирские исторические исследования. 2014. № 3. С. 46–70.

Евдокимова Е.В. Редакционная политика журнала «Красная сибирячка» в 1920–1930-е годы // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер.: История, филология. 2013. Т. 12, № 6. С. 25–29.

Калюжная О.В. Антирелигиозная политика в 1918–1925 гг. во Владимирской губернии: по материалам периодической печати: дис. ... канд. ист. наук. Владимир, 2018. 213 с.

Козлов Ф.Н. Антирелигиозные материалы на страницах региональной национальной печати первой половины 1920-х годов как элемент социальной дискредитации священнослужителей (на примере газеты «Чувашский край») // Вестник Чувашского университета. 2013. № 4. С. 29–37.

Лямзин А.В. Периодическая печать как источник по истории взаимоотношений церкви и государства в 1920-е гг.: на примере Уральского региона: дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2000. 339 с.

Малыгина Ю.А. Проблемы воспитания детей на страницах журнала для женщин «Красная сибирячка» (1920-е гг.) // Молодежь XXI века: образование, наука, инновации: материалы VIII Всерос. студ. науч.-практ. конф. с междунар. участием (Новосибирск, 4–6 декабря 2019 г.). Новосибирск, 2019. С. 175–176.

Метель А.В. Становление антирелигиозной периодической печати в СССР (1919–1941 гг.) // Вестник ОмГУ. 2013. № 1 (67). С. 43–47.

References

Bardileva, Yu.P. (2011). Antireligioznaya propaganda na Evropeyskom Severe Rossii po materialam zhurnalov “Antireligioznik” i “Bezbozhnik” (1925–1941 gg.) [Antireligious Propaganda in the European North of Russia Based on Materials of “Antireligioznik” and “Bezbozhnik” Magazines (1925–1941)]. In *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Istoriya*. No. 3, pp. 42–49.

Buric, N.M. (2013). Deviantnost' kak strukturnyy element obraza svyashchennosluzhiteleya (po materialam pressy Altaya 1920-kh gg.) [Deviancy as a Structural Element of Clergyman Image (Based on the Altai Press Materials of 1920th)]. In *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya istoriya i filologiya*. No. 3, pp. 135–140.

Dmitrienko, N.M. (2014). Tomskie zhenshchiny-krest'yanki v usloviyah sotsial'nyh peremen (1920–1930-e gg.) [Tomsk Peasant Women in the Conditions of Social Changes (1920–1930s)]. In *Sibirskie istoricheskie issledovaniya*. No. 3, pp. 46–70.

Evdokimova, E.V. (2013). Redaktsionnaya politika zhurnala “Krasnaya sibiryachka” v 1920–1930-e gody [Editorial Policy of the Journal “Krasnaya Sibiryachka” in 1920–1930s]. In *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya, filologiya*. Vol. 12, No. 6, pp. 25–29.

Gareeva, I.V. (2007). Istoriya vozniknoveniya zhenskogo zhurnala “Krasnaya sibiryachka” [History of the Emergence of Women’s Magazine “Krasnaya Sibiryachka”]. In *150 let periodicheskoy pechati v Sibiri: materialy regional'noy nauchnoy konferentsii, posvyashchennoy 150-letiyu izdaniya v Sibiri “Gubernskih vedomostey”*. Tomsk, pp. 89–92.

Kalyuzhnaya, O.V. (2018). Antireligioznaya politika v 1918–1925 gg. vo Vladimirskoy gubernii: po materialam periodicheskoy pechati [Antireligious Policy in 1918–1925 in the Vladimir Province: On the Materials of the Periodical Press], Cand. hist. sci. diss. Vladimir. 213 p.

Kozlov, F.N. (2014). Antireligioznye materialy na stranitsah regional'noy natsional'noy pechati pervoy poloviny 1920-kh godov kak element sotsial'noy diskreditatsii svyashchennosluzhiteley (na primere gazety “Chuvashskiy kray”) [Antireligious Materials in the Pages of the Regional National Press of the First Half of the 1920s as an Element of Social Discrediting of Clergymen (On the Example of the Newspaper “Chuvashskiy kray”)]. In *Vestnik Chuvashskogo universiteta*. No. 3, pp. 29–37.

Lyamzin, A.V. (2000). Periodicheskaya pechat' kak istochnik po istorii vzaimootnosheniy tserkvi i gosudarstva v 1920-e gg.: na primere Ural'skogo regiona [Periodicals as a Source on the History of Relations between Church and State in the 1920s: By Way of Example of the Ural Region], Cand. hist. sci. diss. Yekaterinburg. 339 p.

Malygina, Y.A. (2019). Problemy vospitaniya detey na stranitsah zhurnala dlya zhenshchin “Krasnaya sibiryachka” (1920-e gg.) [Problems of Child-Rearing on the Pages of the Magazine for Women “Krasnaya Sibiryachka” (1920s)]. In *Molodezh' XXI veka: obrazovanie, nauka, innovatsii: materialy VIII Vserossiyskoy studencheskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem*. Novosibirsk, pp. 175–176.

Metel, A.V. (2013). Stanovlenie antireligioznoy periodicheskoy pechati v SSSR (1919–1941 gg.) [Formation of Antireligious Periodicals in the USSR (1919–1941)]. In *Vestnik OmGU*. No. 1 (67), pp. 43–47.

Vaseha, M.V. (2015). Vliyanie zhenskoy vsesoyuznoy i sibirskoy pressy 1920-kh gg. na formirovanie novykh povedencheskih modeley sibiryachek [The Influence of Women’s All-Union and Siberian Press of 1920s on the Formation of New Behavioral Models of Siberian Women]. In *Vestnik RUDN. Istoriya Rossii*. No. 3, pp. 60–70.